

Munich Personal RePEc Archive

Formation and development of social systems

Kaluzhsky, Mikhail

Omsk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Omsk State Technical University

2006

Online at <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/58210/>
MPRA Paper No. 58210, posted 30 Aug 2014 16:50 UTC

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ

Калужский М.Л.

Финансовый университет при Правительстве РФ

FORMATION AND DEVELOPMENT OF SOCIAL SYSTEMS

Kaluzhsky M.L.

Omsk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation

Аннотация: Статья о диалектических закономерностях генезиса социальной организации и социальных систем. Автор предлагает использовать новую классификацию социальных отношений для методологического обоснования эволюционирования социальных систем. Работа основана на методологии общей теории систем и теории самоорганизации И.Р. Пригожина.

Ключевые слова: социальное развитие, общая теория систем, социальная система, системный подход, самоорганизация, циклы, социальная эволюция, социальный прогресс, жизненный цикл, государственное управление, региональное управление, муниципальное управление, корпоративное управление.

Annotation: An article about the dialectical laws of the genesis of social organization and social systems. The author suggests using a new classification of social relations for the methodological study of the evolution of social systems. The work is based on the methodology of general systems theory and the theory of I.R. Prigogine.

Keywords: social development, general systems theory, social system, a systematic approach, self-organization, cycles, social evolution, social progress, life cycle, governance, regional governance, municipal management, corporate governance.

Любое социальное развитие сопряжено с формированием социальных систем. Все социальные системы, как изначально искусственные по отношению к обществу образования, имеют тот же жизненный цикл, что и любые другие системы. Жизненный цикл социальных систем заканчивается, когда противоречия между ней и обществом становятся непреодолимы.

Необходимо отметить и то, что любое развитие возможно лишь там, где существует структурно оформившееся образование. Иначе говоря, там, где есть чему развиваться (сам объект развития).¹ Развитие материи во Вселенной пока не выработало способов, позволяющих получать дополнительные ресурсы в сопоставимо равных условиях иначе как через качественное изменение самого материального субъекта.

И развитие социальных систем подчиняется тем же закономерностям. «Биологическая эволюция внутри вида *Homo sapiens* сохраняется, – писал Л.Н. Гумилев – но приобретает черты, не свойственные прочим видам животных. Филогенез преобразуется в этногенез» [3, 297]. К этому можно добавить, что этногенезом развитие человеческой цивилизации далеко не исчерпывается. Этногенез преобразуется (а точнее сказать – дополняется) в цивитогенез. Еще М.Т. Цицерон в первой книге трактата «Об обязанностях» выделял три степени (градации) общественных связей [13, 315]:

1. **infinita** (общество) – наиболее широкая или «беспредельная» степень общности обнимает собой все человечество, это и есть человеческое общество (т.е. *societas*);
2. **gens** – более тесная общность обозначающая племя (или народность, этнос – в современном понимании);

---

¹ Отличие индивидуального развития членов общества от развития социальных систем заключается в том, что здесь развивается не столько объект в среде, сколько среда, состоящая из объектов.

3. *civitas* – еще более тесная общность и связь, сопоставимая с гражданской общиной.

Речь здесь идет о некоем подобии матрешки, где все являются членами общества, но лишь часть этих членов являются полноправными членами этноса.² Однако нас тут интересует третья, высшая степень социальных связей. Если первые две степени достаточно хорошо знакомы читателям, то третья степень традиционно замалчивается. Настала пора возродить забытое сегодня понятие, обозначив легитимные отношения власти и подчинения термином «*цивительные*».

И речь идет не о «гражданском обществе» в его современном понимании. Дело тут в том, что полноправным гражданином Рима мог стать далеко не каждый этнический римлянин. Полноправными гражданами Рима считались члены достаточно малочисленной элитарной общности, имеющие непосредственное отношение к управлению этим древним государством.

Поэтому цивилизационный процесс, как высшая форма социогенеза – это не столько отдельная стадия развития человечества, сколько важнейший механизм этого развития, хотя и не всегда обязательный. Мы знаем множество примеров, когда самодостаточные человеческие сообщества и в наше время прекрасно обходятся без социальных институтов (те же бушмены, народы Севера и др.).

Специфика социального развития заключается лишь в том, что цивилизационный процесс далеко не всегда совпадает с иными формами социального развития (этнического, индивидуального и др.), а зачастую противоречит им. Это противоречие объективно порождает глубинное противостояние между социальными системами и обществом, которое на завершающей стадии развития социальных систем проявляется в акциях социального протеста и социальных бифуркациях (революциях).

Лучшим доказательством этого тезиса может служить хотя бы тот факт, что акции общественного протеста и революции наблюдаются в человеческом обществе на протяжении всей истории его существования независимо от степени его технологического, политического или какого-либо иного развития. Мало того, чем сложнее и совершеннее социальная система, тем острее и глобальнее по последствиям ее бифуркация.

Весьма распространенный социальный миф, как ни парадоксально, заключается в том, что социальные системы полностью организуют жизнь общества и чуть ли не содержат его. В действительности это совсем не так. Неконтролируемое развитие общества представляет собой объективную угрозу системным преимуществам социальной элиты. Поэтому, защищая свое монопольное положение, она ограничивает возможности внесоциального развития общества. «... действие социальных систем было направлено не только на то, чтобы концентрировать богатство в руках господствующего меньшинства, – отмечает Л.А. Уайт, – но и на то, чтобы не дать широким массам населения получить выгоду от технического прогресса» [9, 456].

Все это происходит оттого, что любая социальная система представляет собой своеобразную целевую организацию, направленную на реализацию монополизированных преимуществ социальной элиты в обществе. Стремление к достижению указанной цели определяет закономерности социального развития и те противоречия, которые возникают в процессе этого развития между социальными системами и обществом.

Соответственно, чем выше уровень общественного развития, тем ближе индивидуальный потенциал членов общественной среды к индивидуальному потенциалу членов социальных систем и тем меньше разрыв между ними. Следовательно, гомеостатическая функция социальных систем заключается в поддержании своеобразной дистанции между собой и рядовыми членами общества. Это – охрана собственности, репрессивный аппарат, институционализация органов социального управления и т.д.

У социальных систем нет другого врага страшнее общества хотя бы потому, что они сами произошли когда-то из общественной среды. И, если давление (идеологическое, по-

---

² Как тут не вспомнить старую поговорку: «каждый янки – американец, но не каждый американец – янки».

литическое, экономическое и любое др.) на общество будет недостаточно сильно, то общественная среда может вновь породить социальные элиты, способные формировать альтернативные социальные системы. А это уже прямая угроза системной и элитарной (государственной, корпоративной) безопасности, которую жизненно необходимо выявить и уничтожить.

Итак, **преимущество цивитального развития перед другими формами социального развития заключается в его опережающем действии.** Главное устремление цивитальных систем на государственном уровне – заморозить общественные отношения, не допустить **внесистемного развития общества.** Причем не только вне цивитальных отношений вообще, но и вне конкретной системы в частности. Для этой цели используется законодательство, идеология, репрессивный аппарат. Словом все то, что создает рамки, замыкающие общественную активность в цивитальной системе и направляющие деятельность людей на благо системы.

В свое время советская идеологическая система поддерживала тезис о том, что коммунистические режимы легко приходят к власти в отсталых обществах, но построить общество «новой формации» там намного сложнее, чем в развитых обществах. Тогда как в развитых обществах якобы наблюдается обратная ситуация. Действительно, социалистические режимы легко возникали в феодальных и колониальных странах, где социальные системы присваивали результаты внедрения новых форм организации общества.

С точки зрения теории цивилизационного развития у этого явления есть иное объяснение. Незрелые общества не обладают иммунитетом против экспансии социальной элиты. Это происходит оттого, что социальные механизмы управления существуют на этническом уровне отношений в зачаточном виде и не входят в противоречие с этническими ценностями и нормами.

Однако впоследствии противоречия формируются, обостряются и нарастают. Не случайно с этнических позиций социальная организация часто выглядит аморально.

Аналогичная ситуация наблюдалась, к примеру, в Древнем Египте или в Древнем Риме, где залогом прочности социальных систем являлась их эффективность (по совокупности параметров) в сравнении с иными формами общественной организации. Однако как только индивидуальное развитие членов общества и их этническое самосознание достигало достаточно высокого уровня, то великие социальные системы оказывались неконкурентоспособными и стремительно деградировали.

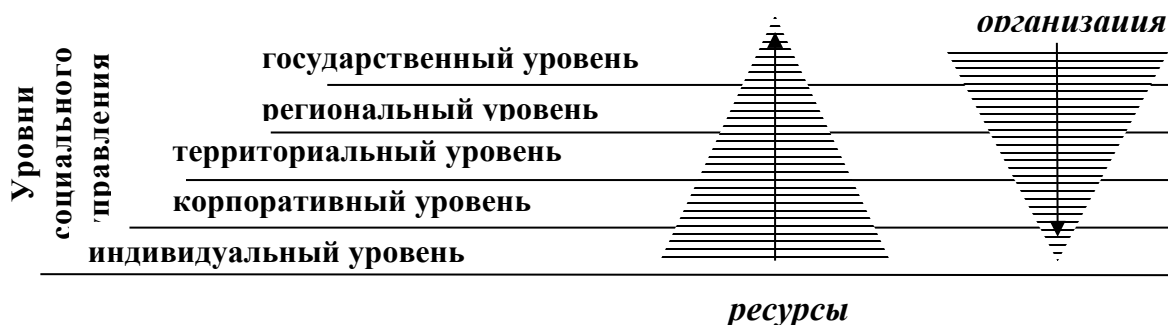
Отсюда вывод: **социальные системы являются не источником, а катализатором общественного развития.** Они опережают общество в присвоении ресурсов при переходе на новую ступень технологического развития и обескровливают его, присваивая результаты общественного труда. Не случайно великие социальные системы-цивилизации, пережив свой расцвет, практически никогда не возрождались в прежнем величии (древние цивилизации, Австро-Венгрия, Британская империя, СССР и пр.). Они просто «сжигали» силы и потенциал общества.

Есть еще одна ипостась социального развития, обычно упускаемая социальной философией из виду. Всякое развитие подразумевает не только причинную обусловленность явлений, но и постоянное исключение возможных альтернатив. Ф. Энгельс писал: «... каждый прогресс в органическом развитии является одновременно и регрессом, ибо он закрепляет одностороннее развитие и исключает возможность развития во многих других направлениях» [15, 270]. Но если это утверждение актуально для процессов биологического уровня, то для социального уровня оно актуальнее в десятки, а то и в сотни раз.

Поэтому социальная системность – признак не силы, а слабости общественной организации. Это своеобразная «болезнь роста» в общественном развитии, которую если не лечить, то она приводит к остановке развития общественных отношений и даже к деградации этноса.

«Этнос, обретая социальные формы, – пишет Л.Н. Гумилев – создает политические институты, которые не являются природными феноменами. ... Но все эти институты

были делом рук человеческих и в этом смысле подобны храмам с колоннадами, дворцам, топорам и одеждам, которые, ... не имея возможности саморазвития, могут только разрушаться от воздействия времени» [3, 298]. Данное утверждение верно лишь отчасти. Не этнос целиком, а его элита создает социальную систему со свойственными ей институтами. Большая часть этноса в этом процессе играет пассивную роль, довольствуясь положением «ведомых». Поэтому социальных лидеров (как и этнических лидеров) не может быть много. И социальная организация лишь закрепляет и цементирует такое положение. Схематично ресурсно-организационные потоки в современном обществе можно представить следующим образом:

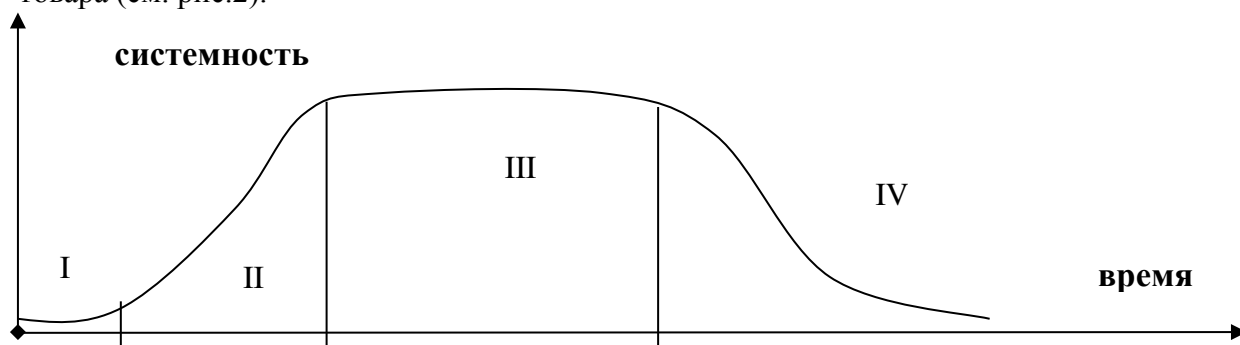

Рис. 1. Распределение ресурсов и организации на разных уровнях социального управления

В такой системе отношений нет места дублированию функций и конкурентной борьбе между доминирующими структурами, которая возможна лишь за пределами социальных систем. Мало того, все перечисленные уровни социальной организации включают в себя два ее типа:

1. **территориальная организация** – представленная органами власти государственно-регионального и муниципального уровня;
2. **отраслевая организация** – представленная органами корпоративного управления.

Весьма показательна в этой связи то, что товарные и социальные отношения имеют общую природу, поскольку и социальная организация и товарное производство преследует одну и ту же цель – удовлетворение индивидуальных потребностей. Средства удовлетворения разные, но объективная суть явления – одна. Поэтому кривая развития любых социальных (этнических, социальных и др.) систем напоминает кривую жизненного цикла товара (см. рис.2).

Рис. 2. Жизненный цикл товара

По-видимому, общая закономерность кроется в причинности возникновения товаров и социальных систем. Все они предназначаются для решения единой задачи – упрощения жизни человека посредством улучшения ее организации. Другое дело, что системные элиты (по сути – владельцы) преследуют свои интересы и для них общество ни что иное, как средство достижения поставленной цели.

Закономерности востребованности человеческого «материала» в процессе развития социальных систем представлены в таблице 6.

Табл. 1. Поведенческие доминанты социальных элит на различных этапах жизненного цикла социальных систем.

этапы	поведение
I. Становление	– активные, творческие люди предпринимательского склада.
II. Зрелость	– опытные управленцы логистического направления.
III. Упадок	– многоопытные функционеры бюрократического типа.

В процессе своего развития социальная организация не только интегрирует общество в рамки социальных систем, но и лишает его возможностей альтернативного (ино- или вне-системного) развития. В этом смысле общество зависит от системы в той же мере, в какой система зависит от общества. Разорвите цепь социальных отношений, и социальная система немедленно рухнет, так же как это произошло, скажем, в Британской Индии в 1948 г.

При этом *вектор развития социальной системы направлен от конкурентного развития в сторону постепенной монополизации преимуществ и стагнации*. Разумеется, не все социальные системы проходят этот путь. Кого-то реорганизуют, кого-то поглощают, а кто-то разоряется из-за негативной конъюнктуры. Однако общая закономерность именно такова. Это явление достаточно подробно рассмотрено в современной западной социальной философии [7, 154-161].

Жизненный цикл социальных систем, изображенный на рис. 2 проходит в своем развитии четыре основных этапа:

Этап I. На первом этапе цикла интересы социальной элиты и интересы большинства общества обычно совпадают. Причем обычно это связано с идеологическим влиянием зарождающейся элиты на общественное сознание, а не с реальными предпосылками. Этнические силы играют здесь огромную роль, являясь зачастую основной движущей силой процесса возникновения социальной организации. Самый типичный пример – использование революционной ситуации рвущимися к власти элитами.

Образовавшиеся в результате новые этно-социальные элиты лишь используют плоды этнических взрывов, вызывающих реорганизацию крупных социальных систем. Отсюда диссипативный этнос – это что-то вроде необъезженного скакуна, удержавшись на котором можно получить великую власть и славу, но малейшая ошибка здесь ведет к неизбежной гибели. Недаром еще Н. Маккиавелли отмечал: *«... народные недовольства легко устранимы – в тех случаях, когда у народа нет вождей. Ибо не существует ничего более ужасного, чем разнузданные, лишённые вождя массы, и вместе с тем – нет ничего более беспомощного»* [5, 180].

Первый этап социального развития начинается сразу же после бифуркации (момента ре-эволюции) предыдущей социальной системы. Число претендентов на власть здесь максимально велико, а развитие ситуации – трудно предсказуемо. Зарождающиеся и умирающие социальные системы, пользуясь терминологией И.Р. Пригожина, находятся в открытом сильно неравновесном состоянии. Однако так социальная система развивается только до момента своего окончательного формирования.

Этап II. На втором этапе системного развития предназначение социальной системы меняется. Теперь оно заключается в удержании власти над ресурсами общества, территории и организации. В результате создается искусственная социоэтническая среда с присущей ей идеологией, законодательством, социальными и репрессивными механизмами. На втором этапе совпадают только интересы социальных систем и социализованной части общества.

Здесь наблюдается активное развитие социальной организации. *«Применение этого метода <социального строительства – М.К.>, создавая в момент перехода впечатление большого скачка, – пишет М.С. Восленский, – ведет затем с неизбежностью к болотной застойности в обществе, монопольно управляемом деспотической бюрократией»* [2, 607]. Доказывать данный тезис нет необходимости. Описанную картину мы наблюдали в

СССР, фашистской Германии, на Кубе, в Иране и вообще практически во всех тоталитарных странах.

И наоборот, даже страны с вековыми традициями тоталитарного правления при переходе к нетоталитарной форме социальной организации демонстрируют поразительные темпы общественного развития. Возьмите для примера хотя бы послевоенную Японию, колониальный Гонконг, Южную Корею, Сингапур, Чили и т.д.

Однако подавляющее большинство общества при этом лишается возможностей к не социализованному саморазвитию. Профессор Л. Ионин очень точно отметил по этому поводу: «... у каждого человека ... – свои цели. И лишь тогда общество разнообразно. А если все диктуется сверху, то и люди становятся одинаковыми. Это, кстати, путь к энтропии, сглаживанию различий, сглаживанию развития, снижению динамических потенциалов и так далее» [4, 434].

Этап III. Третий этап – самый длительный из этапов жизненного цикла социальных систем, поэтому на нем следует остановиться более подробно. Этот этап характеризуется тем, что на смену становлению и институционализации приходит социальная стабильность, несущая с собой тенденцию к медленной деградации. Здесь можно провести аналогию с биологическими процессами. К примеру, С.Н. Паркинсон отмечает: «*Дерево начинает загнивать, когда достигает максимальных для его вида размеров, и перестает расти, потому что завершён биологический цикл. Организации, так же как и растения, не живут вечно. Зрелость неминуемо сменяется старостью и загниванием*» [7, 158].

В развитии социальных систем можно выделить два основных процесса, обладающих различной логикой: *внутрисистемный* и *внесистемный*. И поскольку любая системность основана на закрытости (о чем говорилось ранее), то неудивительно, что между этими двумя процессами не существует прямой взаимосвязи. Члены социальных элит понимают пагубность и аморальность своего поведения в отношении общества, но не могут действовать вопреки логике и практике текущего процесса развития социальных систем.³ В противном случае система просто отторгает их.

Данное явление достаточно подробно описано в специальной литературе. К примеру, М.С. Восленский пишет о том, что причина сопротивления номенклатуры рыночным преобразованиям в СССР заключалась в боязни утратить властные рычаги. Он отмечает: «... номенклатура не хочет отказываться от государственного управления «социалистической» собственностью. И не потому, что она не сознает колоссального ущерба от такого управления для хозяйства страны, – сознает. Но превращение «социалистической» собственности в подлинную собственность страны означало бы экспроприацию номенклатуры» [2, 215].

Что совершенно естественно, поскольку любая социальная организации представляет собой всего лишь способ управления обществом со стороны социальной элиты. Кто же откажется от цели в пользу средства? Это нонсенс.

Таким образом, социальное развитие фактически завершается при формировании социальной системы. Далее система уже не эволюционирует, а противостоит или приспосабливается к обществу.⁴ Это два возможных пути социального развития на третьем этапе – либо социальная система костенеет и постепенно переходит к состоянию застоя, либо происходит «размывание власти».

Описанные явления характерны именно для третьего этапа социального развития, поскольку в иных ситуациях они не востребованы. Мы имеем дело здесь с адаптационной реакцией социальных систем на ухудшение условий внешней среды (снижение управляемости общества). Социальное развитие, т.е. смена существующих форм социальной организации более совершенными, подразумевает укрепление социальной системы. Иначе говоря, речь здесь все равно идет о реформировании существующей социальной системы, а

³ Не важно, о чем идет речь – о развязывании войн, присвоении привилегий и ресурсов, использовании служебного положения в личных целях и т.д.

⁴ Не случайно М.С. Горбачев называл проводимые под его руководством преобразования «перестройкой».

не о смене форм социальной организации и, тем более, социальных элит. Перефразируя выражение фон Хайека «у жизни нет иной цели, кроме самой жизни» [12] можно сказать: ***у реформирования социальных систем нет иной цели, кроме самого реформирования социальных систем.***

Поэтому все социальные системы гомеостатичны и чрезвычайно устойчивы. Но их устойчивость обеспечивается даже не сознательным руководством со стороны социальной элиты или сознательностью элиты функциональной, а естественным стремлением участников социальных структур к сохранению благоприятной для себя среды жизнедеятельности. Например, Ф.А. Хайек по этому поводу отмечает: «... в спонтанных социальных образованиях, как и в биологических организмах, части нередко ведут себя так, как если бы их целью было сохранение целого. ... если бы кто-то имел сознательную цель сохранить структуру таких целостностей ..., то он старался бы вызывать именно те процессы, которые происходят и так, без какого бы то ни было сознательного руководства» [11].

Наиболее наглядно мы можем наблюдать описанные процессы на примере Римской империи. Однако и в наше время происходят те же явления, причем практически повсеместно. И, чем выше уровень развития социальной системы, тем шире ее социальная база в обществе. Так, к примеру, в 20-м веке наиболее развитые демократии Западной Европы сформировали наиболее значительные по численности социальные структуры.

По данным С.Н. Паркинсона, в Швеции, Франции, ФРГ и Норвегии в конце 1960-х гг. (других данных, к сожалению, нет) содержание государственного аппарата обходилось обществам этих стран более чем в 40% национального дохода. Причем, Швеция с ее сверхналогами и высочайшим по западным меркам уровнем социальной защиты населения была на первом месте с показателем 46,9% [7, 175-176]. Во многих странах «третьего мира» содержание бюрократии является вообще одной из основных статей государственных расходов.

Так, С.Н. Паркинсон приводит следующие цифры соотношения госслужащих и рядовых граждан в среднестатистических странах западных демократий [7, 177]:

Великобритания – 1:31;

Ирландия – 1:33;

Финляндия и Голландия – 1:34.

Ведущая мировая экономическая держава, Соединенные Штаты Америки, демонстрирует прирост соотношения федеральных (!) чиновников и рядовых членов общества с 1:300 в начале 20 века до 1:15 в конце этого тысячелетия [1].

В России и в других странах с бурно развивающимися социальными системами (включая функциональные структуры) численность социальных элит пока сравнительно невелика. Невольно напрашивается вывод, подтверждающий тезис о существовании жизненного цикла социальной системности: *совершенствование социальных систем сопряжено с перераспределением социальными элитами ресурсов общества в свою пользу.* Это означает, что:

1. социальное развитие, как и любое развитие, наблюдается там, где есть для этого соответствующие условия (ресурсы, территориальные и организационные возможности);
2. формирование социальных элит (систем) является авангардом формирования социальной инфраструктуры, т.е. функциональных подсистем. Со временем эти подсистемы приобретают самостоятельное значение, а их члены – участие в кооперированном перераспределении общественных ресурсов (бюрократия).

К. Поппер предложил разделить такие системы на два основных типа: демократические и тоталитарные. «Первый тип – это правительства, от которых мы можем избавиться без кровопролития, например, путем всеобщих выборов. ... Второй тип – это правительства, от которых управляемые могут избавиться лишь путем успешного переворота, т.е. в большинстве случаев – никогда» [8].

Что же это за типы и почему они возникают именно в таком виде? Как всегда у объективного следствия есть объективная причина. Чем тотальнее контроль социальной элиты над обществом и его ресурсами, тем меньше возможностей у альтернативных группировок перехватить его даже в случае формального прихода к власти. Это лучший индикатор для выявления социального господства элиты над обществом.

В нашем же случае предлагается деление не на два, а на три основных типа социальных систем, соответствующих различным стадиям социального развития.

Первый тип, *тоталитарные системы* характеризуются небольшой численностью социальной элиты, сосредотачивающей в своих руках всю полноту власти над обществом и его ресурсами. Им просто нет необходимости увеличивать свою численность и «размывать» власть.

Второй тип, *развивающиеся системы* характеризуются небольшой численностью социальной элиты и растущей численностью функциональной элиты социальных систем. Функциональная элита подспудно борется с социальной элитой за свои права на общественные ресурсы, и этот процесс называется демократией.

Как свидетельствует история человечества, первые две стадии могут последовательно сменять друг друга до тех пор, пока усталость (или образованность) общества не вынудит социальные элиты пойти на отказ от части своих преимуществ в его пользу.

Третий тип, *развитые (демократические) системы* характеризуются большой численностью функциональных элит, которые потребляют значительную часть ресурсов общества. Фактически вся политическая, государственная и муниципальная деятельность сводится к деятельности социальных функционеров. Они по-прежнему не имеют всей полноты власти в социальных системах, но обладают огромным влиянием на принимаемые там решения [6, 397-400].

Этап IV. На четвертом этапе социального развития функциональные элиты как бы подтягиваются к уровню социальных элит и стремятся перехватить у них рычаги влияния на общество. Обычно это не удается, так как социальные элиты обладают ресурсами для покупки функционеров. Украсть у общества большие суммы сложно из-за функциональной конкуренции, а отследить взятку или теневое финансирование очень сложно.

Поэтому симбиоз между собственно социальными (первичными) и функциональными (вторичными) элитами только укрепляется с некоторым смещением центра тяжести в сторону функциональных элит. Однако никакого реального участия общества в данном процессе нет и быть не может. Игроков на социальном поле становится больше, а правила сложнее. В результате растет востребованность общественной поддержки в борьбе за власть в социальной системе. Реальная «демократия» никогда не являлась ничем иным как идеологизированной формой легитимизации власти социальной элиты. Тем более в странах западной демократии.

И самый парадоксальный вывод: *рост бюрократии свидетельствует о демократизации социальных систем, следовательно, демократизируются в первую очередь не отношения между обществом и социальными системами, а отношения внутри социальных систем между социальными и подконтрольными им функциональными элитами.*

На приведенных примерах наглядно видно, что даже если социальная система (элитарная общность) и создает относительно благоприятные условия жизнедеятельности общества, то пользуется социальными благами, прежде всего, она сама. Вывод из всего вышеизложенного можно сделать следующий: *демократическая система означает такое же присвоение социальных ресурсов социально-государственной элитой, как при любые других формах социального правления.*

Четвертым этапом социального развития является упадок и деградация социальной системы, завершающаяся ее развалом (бифуркацией). Синонимом бифуркации здесь выступает *революция*. Хотя методологически правильнее было бы писать ре-эволюция, т.е. глубокое качественное изменение в развитии.

Итак, *социальная ре-эволюция – это принудительное отстранение системной элиты от власти альтернативной элитой на гребне волны общественного недовольства.*⁵

Тогда как *социальная эволюция – это адаптация (усиление) социальной системы, как механизма осуществления власти системной элиты на фоне общественной пассивности.*

Рассмотрим бифуркацию на социальном уровне. Социальные элиты в силу искусственности своей организации и естественной консервативности своего поведения никогда не делают революций, революции – это удел этнической среды (т.е. остального общества). Источник всех революций – естественные противоречия в обществе между этнической средой и социальными элитами.

При этом социальная система никогда не разрушается самопроизвольно.⁶ Она разрушается при утрате социального контроля над обществом (общественными ресурсами). Но этот процесс наблюдается только тогда, когда, либо развитие остального общества догоняет социальную элиту, либо социальная элита под влиянием внутренней логики социального развития деградирует и утрачивает конкурентоспособность. В результате чего социальная элита утрачивает общественную легитимность. Иначе и быть не может, ведь единственным объектом приложения усилий социальных систем является само общество.

Следует также отметить, что социальная организация (в форме социальных систем и институтов) настолько неотделима от современного общества, что ликвидация одной социальной системы тут же вызывает формирование новой. Отсюда вывод: *спонтанное выражение общественного недовольства, доведенное до своего логического завершения, неизбежно ведет к реформированию социальной системы и смене социальной элиты (общности).* Типичный пример – распад СССР и смена правящей элиты в 1990 г. М.С.Восленский выделяет закономерность всех социальных революций, которую он формулирует при помощи следующей схемы [2, 589]:

революция → реакция → реставрация в измененной форме.

Здесь тоже существует пирамида, наподобие пирамиды А. Маслоу в том смысле, что низшие уровни системной организации не только никуда не исчезают, но и неизбежно присутствуют в основе социальной организации. В случае социальных ре-эволюций социальная элита сначала деградирует к низшему уровню социальной (точнее – этносоциальной) организации, а затем заново проходит путь ее высшей (социоэтнической) стадии.

Табл. 3. Признаки социальной организации на различных этапах общественного развития

социальная организация	ценности	доминанта управления
постиндустриальная эпоха	прагматизм	организация и контроль
индустриальная эпоха	идеология	власть и ресурсы
общинно-родовые отношения	религия	сила и авторитет

Так было, к примеру, после распада Российской империи или СССР.

Российская империя: *военный коммунизм → НЭП → примат государства;*

СССР: *парад суверенитетов → господство олигархов → усиление государства.*

Этот вполне диалектический процесс спирального развития отчасти напоминает хождение общества по кругу с наступанием на одни и те же грабли. Общество, руководствуясь этническими стереотипами поведения и социальными мифами, никак не может понять, что в рамках социальной системы жить можно только по ее правилам. Правила же составляются по принципу не социальной, а социальной справедливости, то есть справедливого разделения власти и ресурсов между членами социальной (системной и функциональной) элиты в рамках социальных систем.

⁵ Теоретическое обоснование этого процесса оставил итальянский философ В. Парето.

⁶ См. «закон вакуума» С.Н. Паркинсона.

Вероятно, главная причина такого положения скрыта в приоритетности личного стремления каждого члена не только социума, но и общества в целом, когда-либо продвигнуться вверх по социальной лестнице. Или же – в социализирующем воздействии социальных систем на общество. В любом случае мы вряд ли обнаружим где-либо и когда-либо социальную систему (элиту) реально озабоченную общественным благодеянием. Поскольку для социальной системы это означало бы ни что иное, как самоослабление и деградацию. Социальная система не может существовать без общества так же, как производитель не существует без потребителя, а хищник – без объектов охоты.

Любая ре-эволюция, вне зависимости от того, как она начинается или проходит, заканчивается изменением социальной организации. Социальная элита либо принимает новые правила игры, адаптируясь к новым условиям, либо уступает место новой элите. Однако все это никак не меняет сути происходящего:

1. в основе любых процессов социальной организации всегда находится социальная элита;
2. социальное развитие всегда сводится к изменению параметров социальной организации при неизменности роли социальной элиты.

Особенность же человеческого общества заключается в том, что в моменты социальных бифуркаций (ре-эволюций) оно может стряхнуть с себя социальную систему, даже просто отказавшись подчиняться ей. Так было, к примеру, в Индии и других колониальных странах. Так было во время американской операции в Ираке в 2003 г.

Правда затем обычно происходит реставрация прежних порядков. И даже прежняя социальная элита зачастую возвращается к власти (возьмите, к примеру, Англию после Кромвеля, современные Испанию или СНГ). Однако круг не всегда замкнут. Социальная система, не обладающая ресурсами, теряет власть над обществом. В Западной Европе, например, системные ресурсы государства и местных властей не столь велики, чтобы элита могла тотально распоряжаться обществом. Само общество, каждый его член, владеет таким количеством ресурсов и обладают такой степенью социальной самостоятельности, что его зависимость от социальной элиты несопоставима с зависимостью граждан менее развитых в этом отношении стран.

Л.Н. Гумилев в своих работах писал о том, что вектор социального развития направлен в сторону противоположную общественному развитию [3, 307-308]. Сначала происходит общественный взрыв, который носит стихийный характер и уже затем социальное развитие постепенно закрепляет достигнутое и сохраняет его результаты. С этим утверждением солидаризировался и А.Л. Чижевский [14, 300-349].

Вектор общественного развития, наоборот, направлен как в сторону освобождения от гнета внешней среды любого порядка – от природных условий (базис), так и социальной организации, развивающейся по собственным законам (надстройка). К чему приводит устойчивая социальная организация, мы хорошо знаем из истории человечества – это социальный застой, бюрократизация и деградация.

Русский историк О. Шкаратан пишет по этому поводу: «... что такое однородность, если вдуматься в теоретический смысл этого понятия, его философский смысл? Это же смерть общества. Однородность не имеет ни линии восхождения, ни линии нисхождения. Ибо никакое направление развития невозможно. Это относится не только к социальной системе, но и к любой другой – биологической, физической, химической» [7, 439]. Видимо это же самое имел в виду А.Н. Уайтхед, когда отмечал: «Необходимо признать, что существует степень стабильности, которая несовместима с цивилизацией» [10, 271].

С другой стороны доминирующая в обществе общность, получившая власть в результате спонтанного общественного возмущения, сметавшего прежние социальные институты, остро нуждается в формировании нового социального устройства. Потребность эта гораздо острее, чем потребность всего общества в целом. Поэтому *социальное развитие*

как системный процесс – это адаптация доминирующей общности (властной элиты) к условиям общества.

Когда сегодня мы слышим рассуждения об «устойчивом развитии» общества, нам следует понимать под этим, прежде всего, устойчивое развитие доминирующей элиты, а также насаждаемых ею социальных отношений и институтов. Это единственно возможный вариант социального развития, независимо от этнической, религиозной или политической принадлежности автора этих рассуждений. История не создала другого механизма. Единственный сдерживающий механизм – общественное противодействие, с которым невозможно не считаться. Однако доминирующая общность, потому и является воплощением социальной организации, что она в отличие от членов общества организована, т.е. системна.

Тут скрыто объяснение каузального характера всей социальной организации. Важнейшая причина ее возникновения – это объективная необходимость в социальной организации, как в механизме удовлетворения объективных потребностей доминирующей элиты. Именно доминирующей (т.е. правящей), имеющей объективные потребности в легитимизации, сохранении и упрочении власти над обществом, а в конечном итоге – над его ресурсами. Без ресурсов нет смысла власти.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в случае с социальным развитием мы имеем дело с детерминированным процессом, имеющим в своем основании те же ресурсные причины, что любые другие процессы развития материи. Это означает, что социальное развитие можно изучать, прогнозировать и анализировать. В случае отказа от догматизма и идеологизированности данный вывод открывает небывалые горизонты для развития социальной науки в целом и методологии социальных исследований в частности.

Использованная литература:

1. Ашин Г.К., Понеделков А.В., Игнатов В.Г., Старостин А.М. Основы политической элитологии. – М.: ПРИОР, 1999.
2. Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. – М.: Советская Россия, 1991.
3. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – М.: Институт ДИ-ДИК, 1997.
4. Ионин Л., Шкаратан О. Паркинсон и бюрократы. / Паркинсон С.Н. Законы Паркинсона. – М.: Прогресс, 1989.
5. Макиавелли Н. Государь: Сочинения. – М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1998.
6. Миллс Р. Властвующая элита. – М.: ИИЛ, 1959.
7. Паркинсон С.Н. Законы Паркинсона. – М.: Прогресс, 1989.
8. Понпер К. Открытое общество и его враги. – WEB: http://books.atheism.ru/philosophy/open_assembly.zip
9. Уайт Л.А. Энергия и эволюция культуры. / Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры. – СПб.: Университетская книга, 1997.
10. Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. – М.: Прогресс, 1990.
11. Хайек Ф.А. Контрреволюция науки (Этюды о злоупотреблениях разумом). – WEB: Московский Либертариум / <http://www.libertarium.ru/libertarium/10181>
12. Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. – WEB: Московский Либертариум / http://www.libertarium.ru/libertarium/l_lib_conceit_08
13. Цицерон М.Т. Об обязанностях. / О государстве. О законах. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Речи. Письма. – М.: Мысль, 1999.
14. Чижевский А.Л. Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия. – М.: Мысль, 1995.
15. Энгельс Ф. Диалектика природы. – М.: Политиздат, 1969.

Опубликовано: Калужский М.Л. *Формирование и развитие социальных систем / Научные основы организации управленческого труда: Секция 1. Организационные аспекты управления. / Материалы Всерос. научно-практич. конференции. – Омск: ОмГАУ, 2006. – С. 10-24. – ISBN 5-89764-224-9. (Доступна [электронная версия](#)).*